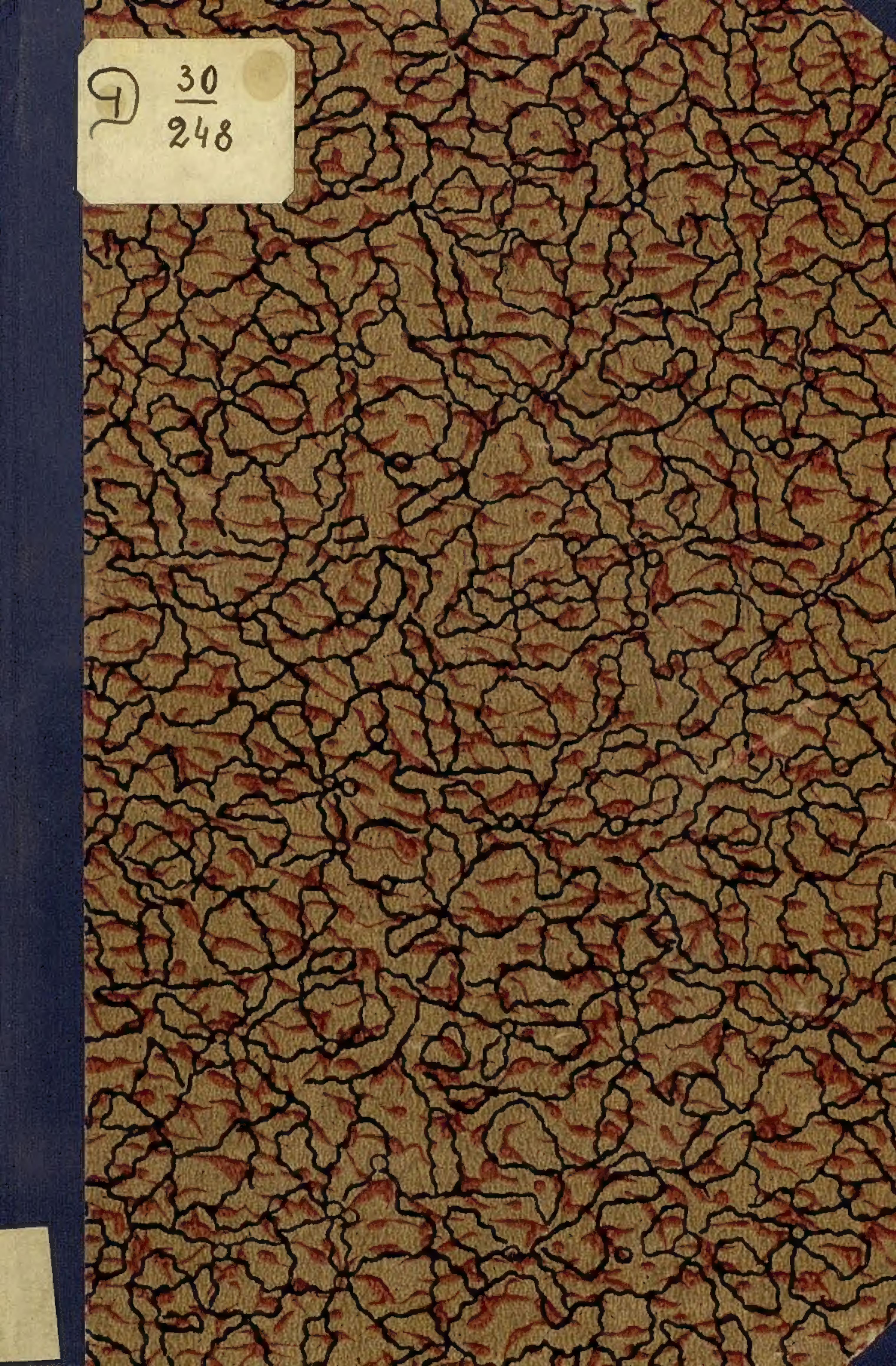

Э 30/248

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ Д. В. ПОЛѢНОВА:

«Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комисіи для сочиненія проекта новаго Уложенія». 2 части, Спб., 1-я, 1869 г.

Н. В. Калачова.

До знаменательныхъ реформъ настоящаго царствованія нѣтъ, безспорно, во всей исторіи нашего законодательства ни одной эпохи, которая могла бы быть поставлена на ряду съ великимъ дѣломъ императрицы Екатерины II, хотя и недостигшимъ своей конечной цѣли — сочиненія проекта новаго Уложенія, но оставившимъ послѣ себя не только драгоцѣнный памятникъ законодательнаго творчества единственной въ исторіи государыни — начертанный ею Наказъ въ руководство учрежденной для того комисіи, но также богатый матеріалъ для разработки общественнаго и частнаго быта всѣхъ нашихъ сословій во второй половинѣ XVIII столѣтія и для уясненія самого законодательства какъ въ это, такъ и въ послѣдующія царствованія. Но между тѣмъ, какъ «Наказъ» императрицы, переведенный на разные иностранные языки и обнародованный въ свое время, а впослѣдствіи не разъ перепечатанный, получилъ такимъ образомъ надлежащую извѣстность, — исторія образованія большой и малыхъ комисій, на которыя возложено было составленіе означеннаго проекта новаго Уложенія, ходъ ихъ занятій и оставшіяся послѣ нихъ работы, до сихъ поръ почти были въ забвеніи, такъ что изслѣдователи екатерининскаго періода за-

конодательства не знали даже въ какой мѣрѣ неимѣніе подъ рукою этихъ данныхъ составляло пробѣлъ для ихъ розысканій. Правда, въ публикѣ еще не такъ давно слышались отголоски послѣднихъ современниковъ знаменитаго царствованія, изъ коихъ многіе, украшенные особыми знаками за участіе въ дѣятельности упомянутыхъ комисій, передавали своимъ потомкамъ, какъ они, въ званіи депутатовъ, отъ того или другаго уѣзда, отъ того или другаго сословія, отправлены были въ Москву и Петербургъ, какъ свободно предлагали здѣсь свои свѣдѣнія и мнѣнія и какое живое участіе принимала въ ихъ предложеніяхъ и преніяхъ сама государыня, но это были безсвязные разсказы, относившіеся почти исключительно къ формальной сторонѣ дѣла. Самыя инструкціи или наказы, данные на мѣстахъ этимъ депутатамъ и въ отличіе отъ «Наказа» императрицы именованные малыми; журналы и отчеты о порядкѣ производства выбора депутатовъ изъ разныхъ сословій каждаго уѣзда; наконецъ, протоколы засѣданій большой и малыхъ комисій, составляли не только для публики, но и для изслѣдователей невѣдомую и недоступную массу бумагъ, хранившихся вмѣстѣ съ другими матеріялами законодательныхъ работъ въ архивѣ II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Честь извлеченія изъ пыли этихъ неоцѣнимыхъ документовъ и обработки ихъ для изданія принадлежитъ Д. В. Полѣнову, а самого изданія ихъ — С.-Петербургскому Историческому Обществу. Та и другая заслуги, по нашему мнѣнію, не должны быть оставлены безъ вниманія. Извѣстно, какъ еще мало распространено у насъ сознаніе той важности, какую представляютъ матеріалы прошедшаго времени не только для науки, но и для практическихъ цѣлей. Получить разрѣшеніе на разработку и изданіе такихъ матеріаловъ стòитъ иногда не мало усилій, и мы знаемъ, что въ такомъ положеніи находился и многоуважаемый археологъ, которому мы обязаны обнародованіемъ разсматриваемыхъ нами документовъ. Тѣмъ болѣе чести слѣдуетъ воздать ему и ученому Обществу, которое не устрашилось издержекъ, сопряженныхъ съ изданіемъ въ свѣтъ многотомнаго труда, имѣющаго на первый разъ въ виду лишь весьма ограниченный кругъ читателей.

Но обращаясь къ работѣ Д. В. Полѣнова по поводу представленія ея на Уваровскій конкурсъ, мы не можемъ ограничиться указаніемъ на важность извлеченныхъ имъ изъ архива документовъ, ни даже на разнородность ихъ и обиліе. Собрать большое количество документовъ и тщательно издать ихъ въ свѣтъ, составляетъ,

конечно нелегкую задачу; но ею не удовлетворяется Положеніе о наградахъ графа Уварова, въ 5-мъ § котораго именно постановлено что «не допускаются (п. 2) простыя собранія актовъ, грамотъ и вообще *необработанныхъ* матеріаловъ»; а въ § 6-мъ, прямо выражено, что «при обсужденіи представленныхъ къ соисканію историческихъ сочиненій, должно быть обращаемо преимущественно вниманіе на то, въ какой мѣрѣ сочиненіе способствуетъ къ полному познанію избраннаго авторомъ предмета. При всемъ уваженіи къ объему сочиненія и къ труду, для составленія его употребленному, не должно быть упускаемо изъ вида—дѣйствительно-ли отечественной наукѣ недоставало подобнаго творенія и соотвѣтствуетъ-ли оно современнымъ требованіямъ науки и критики». И такъ намъ предлежитъ ознакомиться ближе съ настоящимъ изданіемъ для того, чтобы рѣшить вопросъ: соотвѣтствуетъ-ли оно этимъ требованіямъ учредителя наградъ графа Уварова?

Стóитъ привести лишь нѣсколько извлеченій изъ предисловій, предпосланныхъ въ обѣихъ частяхъ къ матеріаламъ изданія, чтобы убѣдиться въ томъ, что оно есть прежде всего—изданіе критическое. «Три рода документовъ—говоритъ г. Полѣновъ—служили намъ при составленіи нашего труда: 1) Дневныя записки засѣданій большаго Собранія Комисіи *), 2) Мнѣнія депутатовъ, читанныя въ Большомъ Собраніи и 3) Подлинные Наказы, данные депутатамъ отъ всѣхъ сословій Имперіи. Дневныя записки или журналы начинаются съ перваго дня засѣданій Комисіи и продолжаются по день ея закрытія, т. е. съ 31-го іюля 1767 года по 12-е января 1772 г. Число засѣданій въ безпрерывномъ порядкѣ было 203; поэтому столько же составлено было и записокъ. Все, что происходило въ каждомъ засѣданіи Общаго Собранія депутатовъ вносилось въ дневныя записки, не исключая и мельчайшихъ подробностей; всякое дѣйствіе Собранія обозначалось часами и минутами, напримѣръ, чтеніе Наказа или дневной записки предшествовавшаго засѣданія началось въ такомъ-то часу и продолжалось столько то минутъ; такой-то депутатъ пріѣхалъ по открытіи засѣданія, въ такомъ-то часу, или другой вышелъ изъ собранія до окончанія засѣданія, и т. под. Поэтому, съ внѣшней стороны и по своей послѣдовательности, дневныя записки представляютъ драгоцѣнный документъ. Но со стороны ихъ сущности онѣ не вполнѣ удовлетворительны. «Глав-

*) Большое или Общее Собраніе Комисіи, или просто Большая Комисія такъ называлась въ отличіе отъ собраній частныхъ комисій, которыхъ было 19.

нѣйшія занятія Большой Комисіи заключались въ разсмотрѣніи не многихъ депутатскихъ наказовъ и законовъ о сословіяхъ (дворянства и купечества), о юстиціи (судоустройства и судопроизводства) и о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Наказы и законы, равнымъ образомъ и мнѣнія депутатовъ на разныя статьи сихъ наказовъ и на самые законы, а также и возраженія на эти мнѣнія другихъ депутатовъ изложены въ дневныхъ запискахъ въ краткомъ содержаніи, часто съ опущеніемъ важныхъ подробностей, содержавшихся либо въ наказахъ, либо въ депутатскихъ разсужденіяхъ; слѣдовательно дневныя записки могли только служить указаніемъ порядка въ ходѣ занятій Комисіи и сообщеніемъ нѣкоторыхъ подробностей второстепенной важности». Поэтому издатель заключаетъ: «еслибы до насъ дошли однѣ только дневныя записки Общихъ Собраній Комисіи, то мы имѣли бы точныя свѣдѣнія объ ея дѣятельности, но картина была бы блѣдная. Между тѣмъ подлинныя мнѣнія депутатовъ, сохранившіяся въ довольно полномъ составѣ, устраняютъ недостатокъ, который могъ бы произойти отъ краткости дневныхъ записокъ. Въ особенности съ того времени, когда началось слушаніе законовъ, мнѣнія эти представляютъ богатый матеріалъ о дѣятельности большаго Собранія Комисіи» (ч. I, стр. XI—XIII). Наконецъ, депутатскимъ наказамъ издатель придаетъ особую цѣну, какъ полномочіямъ, которыми депутаты были обязаны довести до свѣдѣнія высшаго правительства о своихъ нуждахъ и недостаткахъ. Что цѣль эта была достигнута, видно изъ отзыва самой императрицы: «Комисія Уложенія — говоритъ она — бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей Имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должны» (тамъ же, стр. XXIII).

На основаніи приведенныхъ соображеній о значеніи матеріаловъ, оставленныхъ Комисіей, издатель даетъ имъ неодинаковое мѣсто въ своемъ трудѣ. Дневныя записки засѣданій онъ большею частію не сообщаетъ въ подлинникѣ, а представляетъ изъ нихъ самыя тщательныя извлеченія; мнѣнія депутатовъ переводитъ цѣликомъ на современный языкъ *); что же касается до наказовъ, то печа-

*) Побужденіемъ къ такому переводу послужило и непріятное — по мнѣнію издателя — ощущеніе, которое испытываютъ читающіе старинное наше писаніе, и желаніе «сдѣлать чтеніе, а притомъ и пониманіе доступными не для однихъ спеціалистовъ» (ч. I, стр XXII). Но чтобы дать понятіе объ языкѣ, которымъ большая часть депутатовъ выражалась на письмѣ, представлено для образца нѣсколько отрывковъ изъ ихъ мнѣній (см. эти отрывки тамъ же на стр XXV—XXX).

таетъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они сохранились въ подлинникахъ, за исключеніемъ мѣстъ сходныхъ между собою въ разныхъ наказахъ, къ которымъ, помѣстивъ ихъ въ однихъ наказахъ и выпустивъ въ другихъ, онъ сдѣлалъ надлежащія объясненія и примѣчанія *), при чемъ однако правописаніе и разстановка знаковъ препинанія приняты имъ нынѣшнія и явныя ошибки писцовъ исправлены. Такихъ документовъ напечатано, въ видѣ приложеній, въ 1-й части 30, а во 2-й — 19, и всѣ они суть наказы, данные депутатамъ отъ дворянства разныхъ уѣздовъ тогдашней Московской губерніи, которые такимъ образомъ изданы здѣсь вполнѣ.

Изложеніе содержанія дневныхъ записокъ каждаго засѣданія Большой Комисіи въ хронологическомъ порядкѣ, со внесеніемъ въ надлежащихъ мѣстахъ подлинныхъ мнѣній депутатовъ и въ сокращеніи, по запискамъ, тѣхъ мнѣній, которыя не сохранились въ подлинникахъ, составляютъ собственно ту часть изданія, которую г. Полѣновъ назвалъ «Историческими свѣдѣніями о Екатерининской Комисіи для сочиненія проекта новаго Уложенія». Такое названіе онъ былъ въ полномъ правѣ дать своему труду, такъ какъ не только привелъ въ систему найденные имъ матеріалы, но съ одной стороны предпослалъ имъ введеніе (ч. I, стр. 1—52), въ которомъ изложилъ на основаніи не однихъ вышеозначенныхъ, но и другихъ источниковъ, происхожденіе «Наказа», работы надъ нимъ императрицы, объявленіе ею Сенату манифеста объ учрежденіи Комисіи и о созваніи для того депутатовъ, постановленія, относящіяся до этихъ депутатовъ, свѣдѣнія объ избраніи ихъ въ разныхъ городахъ и уѣздахъ, отъ разныхъ сословій (особенно подробно въ С.-Петербургѣ и Москвѣ), о съѣздѣ ихъ въ Москвѣ, о церемоніалѣ открытія здѣсь Комисіи, о принесеніи депутатами присяги «въ приложеніи чистосердечнаго старанія въ великомъ дѣлѣ сочиненія проекта новаго Уложенія», объ аудіенціи, данной имъ императрицей, объ устройствѣ и составѣ большой и частныхъ Комисій, о предметахъ и порядкѣ ихъ занятій и наконецъ о торжественномъ открытіи засѣданій большой Комисіи; а съ другой стороны — имъ сведены въ одно мѣсто всѣ читанные въ

*) Указанія эти сдѣланы въ 1-й части на стр. 321, 329,345—349, 397 и 459, а во 2-й части на стр. 439, 444, 445, 479, 480, 487, 487 — 490, 536, 538 и 542. Приведенныя здѣсь сличенія, стоившія конечно издателю много труда, показываютъ, что дворяне и другія сословія разныхъ уѣздовъ имѣли между собою сношенія относительно содержанія вручаемыхъ ими своимъ депутатамъ наказовъ.

разныхъ засѣданіяхъ законы «о правахъ благородныхъ» и «о торговлѣ» (ч. I, стр. 137—147 и ч. II, стр. 2—28) *), причемъ сличены всѣ эти узаконенія съ напечатанными въ Полномъ Собраніи законовъ и оставлены безъ ссылокъ на это Собраніе тѣ, которыя здѣсь вовсе не помѣщены, такъ точно какъ указаны нумера того же изданія, подъ которыми напечатаны въ немъ законы, приводимые въ мнѣніяхъ депутатовъ, и объяснено какихъ постановленій, по сдѣланнымъ депутатами ссылкамъ, не найдено. На сколько послѣдній трудъ драгоцѣненъ для юристовъ, на столько первый обнаруживаетъ въ издателѣ трудолюбиваго и свѣдущаго библіографа, ибо для составленія означеннаго выше историческаго очерка онъ долженъ былъ обратиться къ вѣдомостямъ того времени, въ коихъ, кромѣ манифеста 14 декабря 1766 г. и приложеній къ нему, сохранились подробности о первыхъ дѣйствіяхъ Сената и въ губерніяхъ въ исполненіе этого манифеста. Такъ принесеніе Сенатомъ императрицѣ благодарности и описаніе выборовъ въ Москвѣ, Казани, Волоколамскѣ и Заволочьѣ (Пусторжевѣ) извлечены изъ Московскихъ Вѣдомостей 1767 года (см. №№ 3, 18, 23, 27, 36, 38 и 39), а описаніе выборовъ въ С.-Петербургѣ, открытіе Комисіи и торжественный поѣздъ императрицы въ Кремль, пріемъ ею депутатовъ и произнесенныя при этомъ рѣчи — изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей того же года (см. №№ 6, 10, 17, 68 и 69). Кромѣ того, для уясненія подробностей, издатель пользовался въ настоящемъ случаѣ документами Архивовъ: Государственнаго и Петербургскаго Сенатскаго. Но особенно историкъ-юристъ долженъ остановиться на сдѣланномъ г. Полѣновымъ тщательномъ описаніи книги, хранящейся, въ серебряномъ ковчегѣ, подъ именемъ Наказа въ залѣ 1-го Общаго Собранія С.-Петербургскихъ Департаментовъ Сената, съ цѣлью разрѣшить заданный имъ себѣ вопросъ, въ чемъ заключался первоначально написанный Екатериною Наказъ, уменьшенный, по ея собственнымъ словамъ, болѣе чѣмъ на половину разными лицами, которымъ она его показывала, и сохранилась ли подлинная рукопись этого первоначальнаго Наказа? Къ сожалѣнію, изслѣдователь пришелъ къ заключенію, что ни одна изъ двухъ редакцій Наказа, находящихся въ означенной книгѣ,

---

*) Такъ какъ законы о торговлѣ или о купечествѣ читаны были въ разныхъ засѣданіяхъ Комисіи не въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, то издатель составилъ имъ особый списокъ, въ которомъ они расположены по времени ихъ изданія (ч. II, стр. 29—34).

не можетъ быть признана тѣмъ экземпляромъ, который императрица предложила на обсужденіе выбраннымъ ею лицамъ. Тѣмъ не менѣе указаніе на варіанты этихъ редакцій противъ печатнаго Наказа, на поправки, сдѣланныя въ нихъ Екатериной и на статьи, написанныя ею самою, а также перечисленіе заключающихся въ той же книгѣ матеріаловъ, поясняющихъ исторію составленія Наказа, представляютъ такое важное пособіе для оцѣнки этого памятника, что юристъ, который возьметъ на себя его изслѣдованіе, безъ сомнѣнія не разъ поблагодаритъ г. Полѣнова за оказанную имъ услугу. Переходя же къ предлагаемымъ за тѣмъ извлеченіямъ изъ «Обряда управленія Комисіею», врученнаго императрицею на аудіенціи, данной депутатамъ, генералъ-прокурору, и изъ «генералъ-прокурорскаго наказа», онъ замѣтитъ, что и здѣсь издатель расположилъ содержаніе подлинниковъ въ болѣе систематическомъ порядкѣ, а въ заключеніе, указавъ на два дополненія къ Большому Наказу, препровожденныя императрицею въ Комисію, когда она была въ полномъ развитіи своей дѣятельности,—на основаніи присланнаго ею вмѣстѣ со вторымъ дополненіемъ «Начертанія о приведеніи къ окончанію Комисіи о составленіи проекта Новаго Уложенія», выставилъ весьма сжато, но чрезвычайно отчетливо и ясно предлежавшіе Комисіи предметы занятій и ихъ подраздѣленія, коихъ разработка въ законодательномъ порядкѣ была возложена на особыя — частныя Комисіи (ч. I, стр. 1—52).

Что касается до редакціи самихъ матеріаловъ, собранныхъ г. Полѣновымъ, то должно сказать, что онъ не только далъ надлежащее мѣсто каждому, такъ сказать, акту засѣданія, а самыя засѣданія Большой Комисіи расположилъ въ хронологическомъ порядкѣ, но также, съ одной стороны, сдѣланными повсюду ссылками привелъ во взаимную связь мнѣнія и возраженія депутатовъ, касавшіяся одного предмета, хотя нѣкоторыя возраженія предлагались несвоевременно, иногда по истеченіи даже нѣсколькихъ мѣсяцевъ *), а съ другой стороны въ предисловіяхъ къ обѣимъ частямъ своего труда сдѣлалъ групировку всѣхъ положеній и

*) Означенныя ссылки, столь необходимыя для точнѣйшаго разумѣнія предложенныхъ депутатами мнѣній и сдѣланныхъ на нихъ возраженій, см. въ ч. I на стр. 79, а въ ч. II, на стр. 75, 76, 87, 99, 102, 106, 112, 114—116, 119 — 123, 125, 133, 134, 140, 144, 147, 152, 159, 170, 176, 181, 204, 207, 210, 214, 218, 219, 236, 245, 256, 260, 265, 267, 292, 293, 295, 296, 299, 318, 325, 349, 369, 378 и 382.

ходатайствъ, съ которыми обращались депутаты въ Комисію. Такъ, представивъ обзоръ наказовъ, предложенныхъ въ началѣ засѣданій Комисіи къ слушанію отъ крестьянъ разныхъ мѣстностей, Д. В. Полѣновъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «всѣ помянутые наказы заключали въ себѣ ходатайство объ однѣхъ мелкихъ нуждахъ, не выходящихъ изъ тѣснаго круга самыхъ обиходныхъ потребностей. Уменьшеніе повинностей, увеличеніе количества земельныхъ угодій, жалобы на нѣкоторыя мѣстныя и совершенно частныя неудобства,—были главнѣйшими предметами, на которые государственные крестьяне старались обратить вниманіе высшаго правительства. Замѣчательно въ нихъ одно заявленіе и почти единогласное: это желаніе измѣнить существовавшій судебный порядокъ и вмѣсто его ввести мѣстный словесный судъ. Слушаніе наказовъ въ числѣ двѣнадцати и обсужденіе ихъ депутатами происходили въ пятнадцати засѣданіяхъ отъ 20 августа по 21 сентября. Послѣ того ни одного наказа уже болѣе не предлагалось Большой Комисіи (ч. I, стр. XIII — XIV)». Далѣе, переходя къ засѣданіямъ, посвященнымъ разсмотрѣнію правъ дворянскаго сословія, издатель замѣчаетъ: «Чтеніе этихъ законовъ (о правахъ дворянства) вызвало весьма замѣчательныя пренія съ одной стороны между лицами, отстаивавшими исключительное и преимущественное положеніе древнихъ своихъ родовъ, а съ другой, между лицами, недавно поставленными на одну съ ними степень или вовсе непринадлежавшими къ сословію дворянъ. Главнымъ поводомъ къ преніямъ былъ вопросъ, считать ли дворянами тѣхъ, которые, на основаніи табели о рангахъ, дослужились до офицерскаго чина, хотя и поступили на службу изъ простаго званія, или дворянами признавать только одни древніе роды? Депутаты высказывали свои мнѣнія съ полною свободою; съ такою же свободою дѣлались и возраженія (тамъ же, стр. XIV)». Въ другомъ мѣстѣ предисловія къ 1-й части, издатель останавливается на вопросѣ о крѣпостныхъ крестьянахъ и о власти надъ ними помѣщиковъ. «Этотъ предметъ,—говоритъ онъ,—возбудилъ въ Комисіи сильные споры. Когда дошли до чтенія законовъ о бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянахъ, то многіе изъ депутатовъ, объясняя причины этого безпорядка, предложили вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣры къ его прекращенію. Депутатъ отъ Козловскаго дворянства—Григорій Коробьинъ (артилеріи подпоручикъ), въ засѣданіи 5-го мая 1768 г., въ мнѣніи своемъ объяснилъ, что много есть такихъ помѣщиковъ, которые берутъ съ крестьянъ бо̀льшія подати чѣмъ бы слѣдовало; есть и такіе, которые, войдя въ значительные

долги, отдаютъ людей своихъ для заработыванія денегъ на уплату однихъ процентовъ и чрезъ то отлучаютъ ихъ отъ земледѣлія; наконецъ находятся и такіе, которые, увидѣвъ у крестьянина какое-либо небольшое, своимъ трудомъ добытое имущество, его отнимаютъ. Всѣ эти случаи, говоритъ депутатъ Коробьинъ, и бываютъ причиною, что крестьяне, желая избавиться отъ отягощенія, оставляютъ и свои домы и помѣщика. Сославшись на статьи Большаго Наказа (261, 269, 270, 275 — 277 и 295), онъ признавалъ за нужное, ограничить власть помѣщиковъ надъ имѣніемъ ихъ крестьянъ и силою закона оградить собственность сихъ послѣднихъ. На это мнѣніе подано было болѣе 20 голосовъ, изъ которыхъ 18 были противъ мысли депутата Коробьина и только 3 за него. Большинство депутатовъ въ опроверженіяхъ своихъ, признавая эту мѣру вообще вредною для государства, подкрѣпляло возраженія свои тѣмъ, что считало совершенно невозможнымъ разъединить два права, тѣсно между собою связанныя, т. е. оставить у помѣщиковъ власть надъ лицемъ и отнять ее надъ имуществомъ этого самаго лица. Одинъ изъ членовъ Комисіи, возражавшихъ на мнѣніе Коробьина, депутатъ отъ дворянства Гороховецкаго уѣзда, Александръ Протасовъ, между прочимъ, сказалъ, что если принять мнѣніе Коробьина, то «не остается другаго способа, какъ сдѣлать крестьянъ свободными, еслибъ на то монаршее было соизволеніе»; но и въ такомъ случаѣ, по его мнѣнію, «это нужно сдѣлать исподоволь» (стр. XVI—XVII). Въ предисловіи ко второй части предлагаются слѣдующіе выводы о мнѣніяхъ и вызванныхъ ими разсужденіяхъ, относившихся къ правамъ купечества. «Разсужденія депутатовъ начались вскорѣ послѣ прочтенія первыхъ, относящихся до купечества узаконеній, и именно въ засѣданіе 28 сентября. Противоборствующими лицами въ этихъ разсужденіяхъ были съ одной стороны депутаты отъ городовъ, принадлежавшіе по большей части къ купеческому сословію, а съ другой, депутаты отъ крестьянъ, къ которымъ присоединились инородцы, населявшіе восточную часть Европейской Россіи, т. е. Казанскую и Оренбургскую губерніи, и малоросіяне, принадлежавшіе къ сословію казачества. Депутаты отъ дворянъ хотя и принимали участіе въ спорахъ, но уже не съ такою дѣятельностію, какъ тогда, когда предметомъ разсужденій были права дворянскія. Въ мнѣніяхъ своихъ они болѣе поддерживали сторону крестьянъ. Главнымъ поводомъ къ спорамъ было домогательство купцовъ, чтобы крестьянамъ и вообще разночинцамъ запрещено было, на основаніи существовавшихъ законовъ,

производить какую бы то ни было торговлю и даже произведеніями земли и ихъ домашними рукодѣліями. Купцы требовали, чтобы крестьянамъ не было дозволено развозить свои произведенія по сосѣднимъ деревнямъ и доставлять ихъ въ ближайшіе города—на ярмарки, для розничной продажи. Они хотѣли, чтобы всѣ предметы, производимые крестьянами, начиная отъ съѣстныхъ припасовъ, т. е. всякаго рода хлѣба и овощей, до ихъ деревенскихъ издѣлій, привозимы были къ нимъ въ мѣста ихъ жительства и продавались непосредственно имъ оптомъ. Подобное же запрещеніе они предлагали распространить и на покупателей изъ крестьянъ, и требовали, чтобы послѣдніе не имѣли права купить какой бы то ни было вещи для своего домашняго обихода иначе, какъ у купцовъ. Нѣкоторые изъ депутатовъ этого сословія шли далѣе и подавали мнѣнія, чтобы всякое заводское и фабричное производство оставалось въ ихъ же рукахъ, и чтобы право владѣнія фабриками и заводами отнято было у дворянъ. Были однако же между купцами болѣе умѣренные, которые предлагали дозволить крестьянамъ продавать въ городахъ въ торговые дни и на ярмаркахъ въ деревняхъ и селахъ только собственныя ихъ произведенія какъ земельныя, такъ и рукодѣльныя, но отнюдь не скупныя, т. е. не купленныя у своихъ односельцевъ или въ другихъ деревняхъ. Почти всѣ депутаты изъ купцовъ, подававшіе голоса, представляли о необходимости дозволить имъ имѣть у себя крѣпостныхъ людей, какъ крестьянъ, такъ и дворовыхъ. Необходимость эту они подкрѣпляли трудностію и даже совершенною невозможностію имѣть наемныхъ людей, и особливо для домашней прислуги. Они говорили, что наемные люди не поступаютъ иначе въ услуженіе, какъ съ условіемъ, чтобы договорная плата была имъ выдаваема за нѣсколько времени впередъ; но получивъ оную, эти люди, не доживя до окончанія срока, за который они брали деньги, уходили отъ своихъ хозяевъ. Въ мѣстахъ же болѣе отдаленныхъ отъ центра Россіи, какъ напримѣръ въ губерніяхъ Казанской, Оренбургской и Астраханской, вовсе не было людей, которыхъ бы можно было нанять къ себѣ въ домъ. Но и депутаты отъ крестьянъ, равно какъ и отъ инородцевъ, жителей Оренбургской и Казанской губерній, не оставались безмолвными слушателями домогательствъ купцовъ. Считая совершенною невозможностью подчиниться ихъ требованіямъ, депутаты отъ крестьянъ и инородцевъ представляли, что по самому свойству работъ земледѣльцевъ и образу ихъ жизни, нельзя требовать, чтобы каждый крестьянинъ, собравъ излишекъ отъ своихъ земельныхъ

произведеній или какіе нибудь предметы своего рукодѣлья, то и другое небольшой цѣнности, отправлялся въ городъ и продавалъ привезенное имъ непосредственно купцамъ. Отдаленность городовъ отъ деревень дѣлала то, что выручка отъ продажи этихъ издѣлій не окупала и самаго проѣзда. Между крестьянами находились такіе, которые имѣли у себя деньги. Они скупали у своихъ сосѣдей заготовленные ими разнородные предметы и отвозили ихъ уже въ достаточномъ количествѣ въ городъ или на деревенскія ярманки. Продавъ эти издѣлія не купцамъ, а прямо потребителямъ, крестьяне-торговцы закупали тутъ же все, что нужно для домашняго крестьянскаго обихода и перепродавали ихъ своимъ односельцамъ. Въ этомъ, за небольшимъ впрочемъ исключеніемъ, состояла вся производимая крестьянами торговля, которую купцы пытались отъ нихъ отнять. Крестьяне говорили, что они наиболѣе нуждаются въ деньгахъ въ опредѣленное время года, напримѣръ когда наступалъ срокъ платежа казенныхъ податей или другихъ повинностей. Тогда находившіеся между ними денежные люди вносили за недостаточныхъ деньги, а уплату съ нихъ получали заготовленными ими издѣліями, которыя отвозили гуртомъ въ торговыя мѣста и продавали въ розницу. Купцы требовали, чтобы именно эта розничная продажа и была запрещена крестьянамъ. Но послѣдніе, въ опроверженіе сего, жаловались, что купцы, при оптовой продажѣ, дѣлали имъ притѣсненія и зная, что крестьянинъ, который привезъ свои издѣлія въ городъ или на ярмарку, уже не повезетъ ихъ обратно, назначали имъ весьма низкія за нихъ цѣны. Хотя купцы и утверждали, что они сами, или ихъ приказщики, ѣздятъ по деревнямъ и скупаютъ на мѣстѣ крестьянскія произведенія, но крестьяне возражали на это, что купцы весьма рѣдко пріѣзжаютъ въ деревни, а въ иныя и вовсе не ѣздятъ; сверхъ того они пріѣзжаютъ въ такое время, когда крестьянинъ не имѣетъ ничего готоваго для продажи или не нуждается въ деньгахъ; но когда настаетъ эта нужда, то купцы опять понижаютъ цѣну на крестьянскія издѣлія до такой степени, что ставятъ крестьянъ въ совершенную невозможность уступать имъ свои произведенія и тѣмъ побуждаютъ ихъ прибѣгать къ другимъ способамъ добывать деньги. Въ опроверженіе мнѣній купцовъ, которые утверждали, что крестьяне, обращаясь въ торговлѣ, необходимо обязаны дѣлать частыя и продолжительныя отлучки изъ своихъ домовъ и тѣмъ отвлекаться отъ земледѣлія, главнѣйшаго ихъ занятія, депутаты отъ крестьянъ заявляли, что они отлучаются для торговыхъ и другихъ промысловъ

тогда только, когда въ семействѣ ихъ есть лишніе работники, которые и занимаются земледѣліемъ. Наконецъ депутаты отъ крестьянъ представляли, что сами купцы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, содѣйствуютъ скупной торговлѣ крестьянъ и ею пользуются. Такъ напримѣръ купцы, которые содержатъ постоялые дворы по судоходнымъ рѣкамъ и по большимъ дорогамъ, покупаютъ хлѣбъ и прочіе съѣстные припасы въ той деревнѣ, гдѣ эти дворы устроены; но какъ крестьяне одной деревни не въ состояніи заготовить большаго количества запасовъ, то они и покупаютъ ихъ въ другихъ деревняхъ, чтобы такимъ образомъ имѣть возможность продовольствовать то множество народа, которое перебываетъ въ этихъ постоялыхъ дворахъ. Депутаты отъ дворянъ, принимавшіе участіе въ преніяхъ, держались, какъ выше было сказано, болѣе стороны крестьянъ, и преимущественно возставали противъ домогательства купцовъ пріобрѣтать крѣпостныхъ людей» (стр. XXIII — XXVI). Наконецъ, по поводу разсужденій Комисіи, по переводѣ ея въ Петербургъ, о законахъ, относящихся до юстиціи, издатель, подробно исчисляя содержаніе этихъ законовъ, замѣчаетъ, что «первые прочитанные въ Комисіи законы относились до исполненія обязанностей, предписываемыхъ христіанскою вѣрою и установленіями церкви, т. е. о хожденіи всякихъ чиновъ людей во время великаго поста для моленія въ церковь и о бытіи у исповѣди и св. причастія. Указъ объ этомъ,—говоритъ онъ,—состоявшійся въ 1674 г. подтверждался впослѣдствіи неоднократно; подобныхъ узаконеній, относящихся собственно до церкви, приведено до 28 и многія изъ нихъ не вошли въ Полное Собраніе законовъ» (ч. I, стр. XV—XVI).

На стр. XXIV — XXVII-й 2 й части, г. Полѣновъ приводитъ мнѣнія депутатовъ, относящіяся къ разнымъ частямъ законодательства, независимо отъ сословныхъ интересовъ. Такъ депутатъ отъ комерцъ-колегіи Межениновъ, въ двухъ своихъ представленіяхъ предложилъ, во 1-хъ, о необходимости, для бóльшаго развитія нашей внѣшней торговли, учредить въ иностранныхъ торговыхъ городахъ консуловъ, агентовъ, факторовъ и тому подобныя должности, и во 2-хъ, для скорѣйшаго производства крѣпостныхъ и вексельныхъ купеческихъ дѣлъ, которыя ведутся по разнымъ судебнымъ мѣстамъ весьма медленно, учредить въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ по губерніямъ, публичныхъ нотаріусовъ, которымъ поручить веденіе помянутыхъ дѣлъ. Онъ же подалъ проекты о рыбныхъ промыслахъ и о таможенныхъ сборахъ. Такъ депутатъ отъ дворянства Галич-

скаго уѣзда Лермантовъ представилъ проектъ о порядкѣ, какъ писать заключаемыя между дворянами купчія, закладныя и тому подобные акты. Депутатъ отъ дворянства Пусторжевскаго (Новоржевскаго) уѣзда Елагинъ прочиталъ въ собраніи проектъ объ опекунствѣ. Депутатъ отъ Алексинскаго дворянства Глѣбовъ прислалъ въ Комисію мнѣніе, въ которомъ изложилъ способы для предупрежденія того, чтобы помѣщики не продавали и не закладывали своихъ деревень въ разныя руки. «Къ сожалѣнію—замѣчаетъ г. Полѣновъ — не всѣ изъ этихъ документовъ могли быть помѣщены въ цѣломъ составѣ; нѣкоторыхъ изъ нихъ неоказалось между разсмотрѣнными бумагами». Но и здѣсь ученый редакторъ не упустилъ случая познакомить публику съ тѣми изъ такихъ мнѣній, которыя были у него подъ рукою и почему либо заслуживали особеннаго вниманія; именно, въ приложеніяхъ ко 2-й части своего труда, онъ напечаталъ слѣдующіе документы: 1) мнѣніе депутата отъ города Великаго Устюга Андрея Плотникова о половникахъ въ Велико-Устюжской провинціи *); 2) мнѣніе (приведенное выше) депутата Елагина объ опекунствѣ, и 3) представленіе оренбургскаго губернатора князя Путятина о башкирскихъ земляхъ (стр. 383—419).

Въ заключеніе не излишнимъ считаемъ упомянуть о дѣлаемомъ издателемъ указаніи на работы Комисіи, какъ на источникъ, въ которомъ юристы должны искать ключь ко многимъ узаконеніямъ, изданнымъ какъ въ царствованіе Екатерины II, такъ и въ послѣдующія. Непосредственно относится сюда поясненіе его, что составленный частной комисіей о государственныхъ родахъ и дополненный замѣчаніями Дирекціонной Комисіи «проектъ правамъ благородныхъ» послужилъ основаніемъ грамоты дворянству, утвержденной 21 апрѣля 1785 г. (ч. I, стр. XVII). Но мы, съ своей стороны, можемъ прибавить, что прочитавъ со вниманіемъ любопытные наказы и пренія, заключающіеся въ первыхъ двухъ частяхъ настоящаго изданія, мы не разъ встрѣчались въ нихъ съ такими заявленіями о потребностяхъ въ изданіи постановленій по разнымъ частямъ законодательства, которыя впослѣдствіи были удовлетворены и слѣдовательно послужили поводомъ къ составленію соотвѣтствующихъ имъ узаконеній. Такимъ образомъ, матеріалы, собранные и приведенные въ порядокъ г. Полѣновымъ, должны быть

*) Мнѣніе это замѣчательно по подробному объясненію въ немъ сословія половниковъ, почти вовсе неизвѣстнаго по его происхожденію, которое здѣсь указывается.

настольною книгою для изслѣдователей развитія нашего законодательства во второй половинѣ XVIII-го столѣтія, а отчасти и въ началѣ XIX-го.

Для бо̀льшаго удобства дѣлать справки, къ изданію приложены: въ началѣ каждой части подробное оглавленіе ея содержанія, причемъ подъ рубрикою засѣданій Комисіи, приведенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, перечислено все, что въ каждомъ засѣданіи предлагалось или читалось (ч. I, стр. I — X, ч. II, стр. I — XXII), а въ конпѣ той и другой части помѣщены азбучные указатели встрѣчающихся въ нихъ именъ (ч. I, стр. 479 — 511 съ подробнымъ объясненіемъ званія и дѣйствій каждаго лица), изъ копхъ указатель во 2-й части подраздѣленъ на Списокъ дворянъ Московской губерніи, подписавшихъ наказы, данные депутатамъ (стр. 565—606), и на указатель именъ депутатовъ, подававшихъ мнѣнія въ Комисіи и представившихъ наказы (послѣдній также съ подробнымъ объясненіемъ званія и дѣйствій каждаго лица) (стр. 607 — 612).

По всѣмъ изложеннымъ основаніямъ, находя трудъ г. Полѣнова соотвѣтствующимъ современнымъ требованіямъ науки и критики и хотя еще не доведеннымъ, согласно его названію, до конца, но обнимающимъ собою цѣлостный эпизодъ засѣданій Комисіи въ Москвѣ,—мы не можемъ не признать за нимъ полное право на полученіе меньшой Уваровской награды.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Мартъ 1873 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ.

(Вас. Ост., 9 л., № 12.)

2007050368